

Гринько И. А.

НАРРАТИВЫ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НОВЫЕ ПРАКТИКИ

Сегодня нарратив используется во многих областях человеческой деятельности, и музей не является исключением, тем более что по своей природе нарратив очень близок музейному пространству. Статья посвящена проблемам интеграции нарративов в музейное пространство. На примере современных музейных экспозиций и выставок анализируются техники и тенденции использования нарративов в музее, и эффективность их применения для решения наиболее актуальных проблем, связанных с интерпретацией исторического и культурного наследия. Основное внимание обращено на нарративную архитектуру музейных зданий, нарратив в основе экспозиций, использование литературных нарративов, применение множественных нарративов. Кроме того, анализируются ключевые проблемы современного музея, которые могут быть решены путем использования нарративов.

Ключевые слова: *нарратив, музей, музейное проектирование, музейная антропология, экспозиция, трудное наследие, интерпретация наследия.*

«Дело в том, что в школе моим любимым предметом был «рассказ по картинке». Дополняя живопись словами, мы переводим явное в тайное, а очевидное – в невероятное».

Александр Генис, «Космополит»

«Наши истории – вот то, что мы таскаем за собою в наших странствиях через океаны и границы, через жизнь. Небольшой запас забавных случаев, всех этих «а потом случилось вот что», наших личных «жили-были когда-то». Мы – это наши истории, а когда мы уходим, то, если повезет, наши истории обеспечат нам жизнь вечную».

Салман Рушди, «Ярость»

Сегодня нарратив или нарративный подход проникает не только в маркетинг (Хорн, 2014) и дизайн (Уэншейк, 2015), но в такие области как психотерапия (Уайт, 2010) и архитектура (Psarra, 2009; Coates, 2012). Музей не стал исключением, тем более, что нарративный подход очень близок музейному пространству, которое отвечает основным критериям нарратива: процессуальности (движение в пространстве, а иногда и во времени), субъективности (каждый посетитель или куратор переосмысливает экспозиционное пространство) и самодостаточности, поскольку любой музей является самодостаточным текстом, который весьма приблизительно соотносится с реальностью бывшей или текущей. Как и любой нарратив, музей не описывает эту реальность, а служит инструкцией, ключом к её пониманию (Брокмейер, Харре, 2000).

Традиционно главной проблемой музея считается его дискретность, вызванная отсутствием видимой или символической связи между отдельными экспонатами, о чем писал еще Ю. М. Лотман: «Нет ничего более чудовищного и отдаленного от реального движения искусства, чем современная музейная практика. В средние века казненного преступника разрубали на части и развешивали их по разным улицам города. Нечто подобное напоминают нам современные музеи» (Лотман, 1993: 375). Именно использование нарративов позволяет решить эту проблему и связать в единое целое объекты и события, на первый взгляд, не имеющие ничего общего (Clark, Rossiter, 2008).

Однако существуют и более приземленные причины для использования нарративов в музее. Ключевая из них связана с ориентацией современного музея на посетителя, его потребности и запросы, причем как в маркетинге и изучении аудитории (Falk, 2009), так и в самой функциональной модели музея (Simone, 2010).

Кроме того, сам музейный объект сегодня редко воспринимается как самоценная единица и требует погружения в контекст. Это влечет за собой активное использование разнообразных нарративов, причем во всех областях деятельности, начиная от собирания информации и заканчивая экспозиционной и маркетинговой работой.

Помимо вышеупомянутых теоретических причин есть еще целый ряд вполне практических. Давнее увлечение сторителлингом в музейной педагогике (Roberts, 1997; Мацкевич, 2012) легко объяснимо тем, что он резко повышает эффективность работы: нарративы сильнее активизируют мозг, способствуют запоминанию и ретрансляции идеи. Помимо этого, нарративы позитивно влияют на поведение людей в долгосрочной перспективе (Wilson, 2011), обеспечивая подлинную эффективность музея, как социокультурного института. Особенно этот подход актуален при работе с трудным наследием (Merriweather, Coffey, Fitchett, 2017).

Нарративы способствуют и валоризации (символической или реальной) музейных экспонатов: «Я вовсе не хочу сказать, что любая картина Делакруа будет продаваться лучше, поскольку он вел дневник. Но я действительно убежден, что стоимость конкретной картины может увеличиться, если запись в дневнике прольет свет на обстоятельства ее создания и откроет в ней нечто новое» (Хук, 2015:10).

Таким образом, в последнее время и произошел переход к нарративу на базовом уровне: вместо классической «музеефикации нарратива», произошла «нарративизация музея», и теперь его успешность во многом зависит от единой и выстроенной системы нарративов – от концепции развития до сценария экспозиции, развернутого этикетажа и даже музейной мифологии.

Нельзя сказать, что нарративы в музейном пространстве не становились объектом научного исследования, однако, как правило, интерес вызывала их семантика (Бредникова, 2004; Баранов, 2012), а не технология внедрения в музейное пространство (Быстрова, 2016). По этой причине целью данной статьи является не анализ всех музейных нарративов, а обобщение опыта европейских и российских музеев по работе с нарративами в их экспозиционно-выставочной практике и систематизация моделей для последующего использования в музейном проектировании. Это также позволит обратить внимание на важность антропологического и текстологического подходов при проектировании и анализе современных музеев.

Методов интеграции нарратива в музейное пространство достаточно много. Самый заметный – непосредственно архитектура. Как уже было сказано, нарративная архитектура сегодня является популярным трендом, и по выражению одного из ее идеологов Д. Либескинда, автора многих знаменитых музейных зданий, «любая архитектура, как и музыка, прежде всего, рассказывает историю» (Кашлакова, 2008).

К сожалению, подобный подход к выстраиванию музейного нарратива применяется редко, однако в тех случаях, когда экспозиционеры выбирают именно его, эффект получается действительно мощным. Ярким примером служит Мемориал Жаниса Липке (Рига), где архитектура всего музейного комплекса самостоятельно рассказывает историю: начало экспозиции отмечено большой зеркальной поверхностью, которое символически заставляет посетителя примерить на себя образ Жаниса Липке и ответить на ключевые вопросы музея. Длинные черные коридоры символизируют страх военных лет, а колодец, являющийся центром экспозиции, олицетворяет и возвращение к прошлому, и погружение в глубины человеческого сознания, и реальное подвальное помещение, где главный герой в годы войны укрывал людей. Кроме того, на дне этого колодца, являющегося центром экспозиции, расположен экран, на котором транслируется воспоминания супруги Жаниса Липке Иоганны. Таким образом, устный рассказ становится системообразующим элементом всей экспозиции. Наконец, выход в залитый светом холл становится если не хэппи-эндом, то символом надежды.

Однако далеко не всегда у музеев есть возможность такой качественной работы с пространством здания. В таком случае на помощь приходит нарратив, положенный в основу сценария. Удачный пример такого подхода – Музей варшавского восстания, где посетителю предлагается день за днем проживать хроники экстремальной повседневности всех двух месяцев восстания. Формат живого дневника подчеркивается листками отрывного календаря – раздаточным материалом экспозиции.

Частично такой же подход был использован и в Музее Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), где экспозиция разбита на семь символических дней. В данном случае, идет очевидное пересечение мета-нарратива, то есть темы сотворения мира из Ветхого завета, и тех же самых дневников экстремальной повседневности 1990-х гг. Показательно, что переходный момент экспозиции также связан с текстом – первая часть экспозиции, описывающая советский период, завершается витриной со знаменитым письмом Б. Н. Ельцина от 19 сентября 1987 г. и экраном, где визуализируется процесс его написания. Данный элемент экспозиции погружает посетителя в метафору о первичности слова и текста.

Иногда для строительства экспозиции может быть использован и готовый внешний нарратив, как это было сделано в стамбульском Музее Невинности, основанном на одноименном романе Орхана Памука. По сути, каждая витрина этого музея является иллюстративным рядом к отдельной главе и одновременно самостоятельным визуальным повествованием о повседневности турецкого города середины XX в., что еще раз подчеркивает глубинное родство между нарративом и музеем. Эффектность подобного подхода была оценена профессиональным сообществом – в 2014 г., когда музей получил приз European museum of the year (ЕМУА).

Прием оказался настолько удачным, что при проектировании музеев используются даже симулякры нарратива – что подтверждает Музей Кафки (Прага). Поскольку воспроизвести почти отсутствующую в произведениях главного героя процессуальность не представлялось возможным, её заменили атмосферностью и символизмом из его романов: например, сделав длинный темный коридор, который с обеих сторон до верха заставлен каталожными ящиками – образ бездушной бюрократии, подавляющей человека.

В случае с литературными музеями даже деконструкция нарратива может стать основой для экспозиции. Именно этот ход сделал при проектировании старой экспозиции Государственного музея В. В. Маяковского: «Всё это будто постоянно движется, куда-то падает, колеблется, ... в этой точке вся экспозиция вдруг становится не последовательно изложенной биографией поэта, рассказанной языком авангардной инсталляции, а миром в момент взрыва в мозгу, когда остатки смыслов и слов разлетаются во все стороны, теряя связи друг с другом и пространством» (Ревзин, 2010).

В том случае, когда подобная литературная основа отсутствует, в ход идет сложноставной нарратив. Музей эмиграции (Гдыня) применил такой прием в основной экспозиции, где описание польской эмиграции в конце XIX в. идет через дневниковые записи о путешествии семьи Сикоровых. Только в конце посетитель узнает, что такой семьи не существовало, а данный нарратив является компиляцией из подлинных дневников того времени.

Той же цели служат и параллельные нарративы, на которых была выстроена выставка о Первой мировой войне в Военном музее (Прага). Выставка начинается с фотографии толпы на Карловой площади в августе 1914 г., именно там мы и знакомимся с десятью героями выставки, у каждого из которого разная предыстория. Далее цитаты из десяти дневников и писем будут сопровождать посетителя по всей выставке, описывая ключевые приметы Первой мировой войны (голод, болезни, пулеметы, авиацию и т.д.). По характеру изложения выставка пересекается с книгой Петера Энглунда (Энглунд, 2014), формирующей общий нарратив о Великой войне из мозаик дневниковых записей. Подобный полифоничный подход позволяет не только создать в ограниченном пространстве яркий образ одного из самых сложных и противоречивых событий XX в., но и придать военному конфликту реалистичный, антропоцентричный формат (Гринько, Шевцова, 2015).

Подобное стремление к множественным, а не одному «официальному» нарративу, является не просто данью моде. Оно дает посетителю возможность выбрать наиболее близкий ему взгляд на историческое событие и облегчает задачу моделирования собственного поведения в аналогичной ситуации, чем отчасти решается актуальная на сегодня проблема множественных интерпретаций наследия.

Особенно уместна такая нарративная полифония при работе с трудным наследием. На выставке «Репрессированный буддизм», проведенной Музеем истории религий и Музеем истории ГУЛАГа, посетителю при просмотре видеоряда о событиях 1920–30-х гг. предлагалось на выбор прослушать два нарратива: официальный советский с пропагандистскими клише или современный исторический. Такой подход позволяет посетителю по-другому воспринимать события, погружает его в контекст.

В отдельных случаях нарратив является по сути единственным выходом для формирования адекватной непротиворечивой экспозиции. Именно так случилось с новой экспозицией в музейном комплексе «Куликово поле». Очевидно, что традиционная схема Куликовской битвы сегодня уже не соответствует историческим исследованиям, однако и общегосударственная политика, и народная мифология вряд ли сочли бы уместным новый исторический нарратив. Понимая очевидность данного конфликта, авторы проекта официально положили в основу интерактивной экспозиции ключевой нарратив о данном событии «Сказание о Мамаевом побоище» и работали именно с ним. Учитывая перманентный конфликт российской государственности с исторической наукой (Полян, 2016), данный опыт еще может пригодиться отечественным музеям. Посетитель попадает в «мифологическое пространство литературных памятников Куликовского цикла», где используются «языки средневекового исторического повествования», то есть, не только словесный, но и визуальный рассказ (Воронцова, Коростелева, Николаев, 2015). Фактически при построении экспозиции использовались три вида нарративов: литературный (памятники древнерусской литературы), визуальный (буквицы, миниатюры) и мифологический (традиционные представления о ходе Куликовской битвы).

Иногда подобное решение обусловлено не только ограничениями. В случае с Музеем истории польских евреев POLIN внимание к слову и тексту было вызвано не только объяснимым дефицитом экспонатов: описать историю «народа книги» без помощи текстов было невозможно. Кроме того, сам сценарий посещения этого во многом построен на классических фольклорных нарративах: экспозиция начинается в зале, имитирующем сказочный лес, что можно соотнести и с библейским садом, и с классическим мифологическим попаданием героя в лиминальное пространство (Тэрнер, 1983).

Это еще одно подтверждение тому, что нарратив в музее не обязательно должен быть текстовым. Например, (Фабрика Шиндлера), постоянно обращается к фильму не на уровне прямых заимствований, но в формате визуальных цитат (эмалированная посуда, черно-белые виды концлагеря, обстановка кабинета Оскара Шиндлера).

Иногда для усиления впечатления текстовый и визуальный нарративы могут сочетаться. Армянский музей Москвы и культуры наций центром своей экспозиции сделал панорамный 20-метровый экран, на котором посетители видят кинохронику под отрывок из поэмы Ованнеса Шираза «Айоц Дантеакан», таким образом, создавая полифоническое отображение геноцида армянского населения в начале XX в.

Как показывает практика, не обязательно объединять одним нарративом всю экспозицию. Альтернативой могут стать и нарративы, связанные исключительно общей тематикой. Именно по этой схеме был сделан Музей разбитых сердец в Загребе, где персональные мини-нарративы легли в основу экспозиции. Каждый экспонат сопровождается отдельной историей его владельца, повествующей о разорванных взаимоотношениях. Успешность музея подтвердили не только посещаемость и Приз Кеннета Хадсона, полученный в 2011 г., но и открытие аналогичного музея, сделанного по франшизе, в Лос-Анджелесе в 2016 г.

Выставка «Рождество в ГУЛАГе» (Музей истории ГУЛАГа, 2015), где сочетание разнообразных (визуальных, ритуальных, художественных) мини-нарративов повествует о праздничной культуре в лагерях. Здесь были собраны открытки из лагерей, дневниковые записи, отрывки из художественных произведений, описывающих рождественские дни.

Отдельно стоит выделить набирающие популярность нарративы обратной связи. Музей теперь дает посетителю возможность не просто заполнить анкету, но ответить на ключевые вопросы самому, причем это можно сделать в различных форматах: письменном (Музей Солидарности, Музей Истории польских евреев) или записать своё видеообращение (Ельцин-Центр). Иногда подобная активность выходит за пределы музея, становясь основой для социокультурного проектирования. Примером такого рода может служить проект «Предметный разговор» Ярославского музея-заповедника (2014 г.), направленный на создание полноценных нарративов вокруг отдельных музейных экспонатов.

Подводя итог, можно выделить следующие тенденции:

- всё более активное использование нарративов в экспозиционно-выставочном пространстве;
- сценирование всего пространства экспозиции и превращение его в единый нарратив;
- конструирование нарративов из подлинных текстов;
- сочетание документальных и художественных нарративов;
- сочетание визуальных и текстовых нарративов;
- сбор нарративов от посетителей.

Характерно, что и музеология постепенно начинает обращаться к нарративам. Так, работы по исследованию музейных посетителей Джона Фалька (Falk, 2009) выстроены в формате классического нарратива, и сами посещения музея он во многом анализирует именно как нарратив, выстраиваемый самим посетителем. Подобный подход еще раз подчеркивает важность антропологического понимания связи между современным музеем и нарративом.

Список литературы

- Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3 – С. 29–42.
- Быстрова Т. Ю. Опыт создания музейного проекта: уход от плоскостных материалов в музее 2.0 // Известия Уральского федерального университета. – Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – Т. 22, № 4 (156). – С. 156–162.
- Воронцова М., Коростелева М., Николаев О. Сказание о Мамаевом побоище. Трогать разрешается. МВЦ «Тульские древности» // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. Вып. 2 / Сост. Н. Копелянская. – М., 2015. – С. 190–200.
- Гринько И. А., Шевцова А. А. Новые элементы в концепциях европейских военных музеев // Известия Смоленского государственного университета. – 2016. – № 1 (33). – С. 223–234.
- Кашлакова Ю. Зодчество – архитектурные впечатления // Портал ARCHI.RU. URL: <https://archi.ru/press/world/10277/zodchestvo-arhitekturnye-vpечatleniya>
- Лотман Ю. М. Портрет // Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисл. С. М. Даниэля, сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. – 486 с.
- Мацкевич Ю. Ю. Как открыть «Страну Гайдарику» // Справочник руководителя учреждения культуры. – 2012. – № 5. – С. 37–49.
- Полян П. М. Историмор, или Трепанация памяти. Битвы за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте. – М., 2016. – 630 с.
- Ревзин Г. Музей довольно острого мгновенья // Коммерсантъ Weekend. – 2010. – № 15 (161). 23 апреля. – С. 25.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. – М.: Наука, 1983. – 277 с.
- Уайт М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию. Пер. с англ. – М.: Генезис, 2010. – 326 с.
- Уэйншенк С. 100 новых главных принципов дизайна. – СПб.: Питер, 2014. – 290 с.
- Хорн С. Как выделить свой бренд из толпы. – М.: Попурри, 2014. – 272 с.
- Хук Ф. Завтрак у Sotheby's. Мир искусства от А до Я. – М.: Издательская группа «Азбука-Аттикус», 2015. – 416 с.

- Энглунд П. Первая мировая война в 211 эпизодах. – М., 2014. – 555 с.
- Clark M. C., Rossiter M. Narrative learning in adulthood // *New Directions for Adult and Continuing Education*. – 2008. – № 119. – P. 61–70.
- Coates N. *Narrative Architecture*. – Wiley Publishing, 2012. – 324 p.
- Falk J. H. *Identity and the museum visitor experience*. – Walnut Creek, CA: Left Coast Press, 2009. – 302 p.
- From Knowledge to Narrative: Educators and the Changing Museum*. Ed. by Roberts L.C. University of Chicago, 1997. – 216 p.
- Merriweather L. R., Coffey H., Fitchett Paul G. *Confronting Race through Public Narratological Pedagogy in a Museum Space // Adult Education, Museums and Art Galleries*, D. E. Clover et al. (Eds.). – P. 141–152.
- Psarra S. *Architecture and Narrative: The Formation of Space and Cultural Meaning*. – Routledge, 2009. – 278 p.
- Simon N. *Participatory museum*. – Santa Cruz, Museum 20, 2010. – 390 p.
- Wilson T. D. *Redirect: The Surprising New Science of Psychological Change*. – Little, Brown and Company, 2011. – 288 s.

Гринько И. А., канд. истор. наук, МА in cultural management, доцент.

Московская Высшая школа социальных и экономических наук.

Пр-т Вернадского, 82, корп. 2, Москва, Россия, 119571.

E-mail: IAGrinko@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.08.2017

Grinko I. A.

NARRATIVES IN THE MUSEUM SPACE: NEW PRACTICES

Today narrative is used in many areas of human activity, and the museum is no exception, especially as the narrative by nature is very close to the museum space. The article is devoted to the problems of the integration of narratives into the museum space. On the example of contemporary museum exhibitions and exhibitions, techniques and trends in the use of narratives in the museum are analyzed. Author tries to prove the effectiveness of their application to solve the most pressing problems associated with the interpretation of historical and cultural heritage. The main attention is drawn to the narrative architecture of museum buildings, narrative in the basis of expositions, the use of literary narratives, the use of multiple narratives. In addition, the author analyzes the key problems of the contemporary museum, which can be solved by using narratives.

Key words: *narrative, museum, museum design, museum anthropology, exposition, difficult heritage, interpretation of heritage.*

References

- Brokmeyer Y., Harre R. *Narrativ: problemy i obeschaniya odnoy alternativnoy paradigmy*. [Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm] // *Voprosy filosofii*. [Questions of Philosophy]. 2000. – № 3 – P. 29–42. (in Russian)
- Byistrova T. Yu. *Opyit sozdaniya muzeynogo proekta: uhod ot ploskostnykh materialov v muzee 2*. [Experience in creating a museum project: avoiding planar materials in the museum 2.0] // *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta*. [Izvestiya Ural Federal University]. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kulturyi. – 2016. – T. 22, № 4 (156). – P. 156–162. (in Russian)
- Vorontsova M., Korosteleva M., Nikolaev O. *Skazanie o Mamaevom poboische. Trogat razreshaetsya. MVTs «Tulskie drevnosti»*. [Legend of the Mamai slaughter. Touching is allowed. IEC "Tula antiquities"] // *Muzey kak prostranstvo obrazovaniya: igra, dialog, kultura uchastiya*. [Museum as a space for education: game, dialogue, culture of participation]. – Issue 2. – Comp. N. Kopolyanskaya. – М., 2015. – P. 190–200. (in Russian)
- Grinko I. A., Shevtsova A. A. *Novyye elementy v kontseptsiyah evropeyskikh voennykh muzeev* [New elements in the concepts of European military museums] // *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Izvestiya Smolensk State University] – 2016. – № 1 (33). – P. 223–234. (in Russian)
- Kashlakova Yu. *Zodchestvo – arhitekturnye vpechatleniya* [Architecture – architectural impressions] // Portal ARCHI.RU. URL: <https://archi.ru/press/world/10277/zodchestvo-arhitekturnye-vpechatleniya>. (in Russian)

- Lotman Yu. M.* Portret [Portrait] // Stati po semiotike kulturyi i iskusstva [Articles on the semiotics of culture and art] / Preface. S. M. Daniel. – Comp. RG Grigoriev. St. Petersburg: Academic project, 2002. – 486 p.
- Matskevich Yu. Yu.* Kak otkryt' «Stranu Gaydariku». [How to open the "Country Gaidarik"] // Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniya kulturyi. [Directory of the head of the institution of culture.] – 2012. – № 5. – P. 37–49. (in Russian)
- Polyan P. M.* Istoriomor, ili Trepanatsiya pamyati. Bitvy za pravdu o GULAGe, deportatsiyah, voyne i Holokoste. [Historiomor, or Trepanation of memory. Battles for the truth about the GULAG, deportations, war and the Holocaust]. – M., 2016. – 630 p. (in Russian)
- Revzin G.* Muzey dovolno ostrogo mgnoveniya [Museum of a rather acute moment]// Kommersant' Weekend. – 2010. – № 15 (161). – 23 april. – P. 25.
- Terner V.* Simvol i ritual. [Symbol and ritual]. – M.: Nauka, 1983. – 277 p. (in Russian)
- White M.* Kartyi narrativnoy praktiki: Vvedenie v narrativnuyu terapiyu. [Maps of narrative practice: Introduction to narrative therapy]. Trans. with English. – M.: Genesis, 2010. – 326 p. (in Russian)
- Weinchenk S.* 100 novyih glavnyih printsipov dizayna. [100 new main design principles]. – St. Petersburg: Peter, 2014. – 290 p. (in Russian)
- Horn S.* Kak vyidelit svoy brend iz tolpyi. [How to distinguish your brand from the crowd.] – M. Potpourri. 2014. – 272 p. (in Russian)
- Hook F.* Zavtrak u Sotheby's. Mir iskusstva ot A do Ya. [Breakfast at Sotheby's. The world of art from A to Z]. – M.: Publishing Group "Azбука-Atticus", 2015. – 416 p. (in Russian)
- Englund P.* Pervaya mirovaya vojna v 211 epizodah. [The First World War in 211 episodes]. – M., 2014. – 555 p. (in Russian)
- Clark M. C., Rossiter M.* Narrative learning in adulthood // New Directions for Adult and Continuing Education. – 2008. – № 119. – P. 61–70.
- Coates N.* Narrative Architecture. – Wiley Publishing, 2012. – 324 p.
- Falk J. H.* Identity and the museum visitor experience. Walnut Creek, CA: Left Coast Press. 2009. – 302 p.
- From Knowledge to Narrative: Educators and the Changing Museum. Front Cover. Lisa Carrole Roberts. University of Chicago, 1997.
- Merriweather L. R., Coffey H., Fitchett Paul G.* Confronting Race through Public Narratological Pedagogy in a Museum Space // Adult Education, Museums and Art Galleries, D. E. Clover et al. (Eds.). – P. 141–152.
- Psarra S.* Architecture and Narrative: The Formation of Space and Cultural Meaning. Routledge, 2009. – 278 p.
- Simon N.* Participatory museum. – Santa Cruz: Museum 20, 2010. – 390 p.
- Wilson T. D.* Redirect: The Surprising New Science of Psychological Change. Little, Brown and Company, 2011. – 288 p.

Grinko I. A., PhD in history, MA in cultural management, Associate Professor.

The Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES).

Pr. Vernadskogo, 82, build. 2, Moscow, Russia, 119571.

E-mail: IAGrinko@yandex.ru